

Р.Ю. Виппер

Учебник истории
СРЕДНИЕ ВЕКА

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 93
ББК 63.3
Р11

Р11 **Р.Ю. Виппер**
Учебник истории: СРЕДНИЕ ВЕКА / Р.Ю. Виппер – М.: Книга по Требованию,
2013. – 290 с.

ISBN 978-5-458-23058-2

Учебник истории в 3 томах, написанный профессором истории Робертом Юрьевичем Виппером (1859-1954), содержит систематическое изложение событий всемирной истории с древности до начала XX века. Книги неоднократно переиздавались до и после 1917 года и пользовались широкой популярностью не только как учебники для гимназий и школ, но и как увлекательное чтение по истории зарубежных стран. Второй том посвящён истории средних веков и охватывает период от гибели Римской империи до взятия Константинополя турками. Репринтное издание по технологии print-on-demand с оригинала 1927 года.

ISBN 978-5-458-23058-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

I. Дальний Восток за 2500—1500 лет до нашего времени.

Три культуры Старого Света. Самая старинная из культур Старого Света возникла вокруг Леванта, т. е. восточной части Средиземного моря, где соприкасаются материки Африки, Азии и Европы. Ее средоточия, Нильская долина, Двуречье, Малая Азия, юг Балканского полуострова, острова Эгейского моря, нижнее Приднепровье и Крым, уже в третьем тысячелетии -f3000—2000 гг.) до Р. Х. находились в оживленных взаимных отношениях. Очень рано начались и крупные военные столкновения между народами Передней Азии и юговосточной Европы. Войны все более выдвигали на первое место европейцев, сначала греков, потом римлян. Походы и завоевания служили сближению народов и распространению обычаев и верований; но в то же время они привели к разорению Ближнего Востока; около времени Рождества Христова культура, возникшая у Леванта, находилась в упадке.

Значительно позже стала слагаться культура южной Азии по рр. Инду и Гангу. Ее процветание приходится на последнее тысячелетие (от 1000 года) до Р. Х. Западные народы, особенно греки, жадно стремились овладеть умственными и материальными богатствами Индии; учение Будды проникло на запад к персам, а через них оказало влияние на религиозные понятия переднеазиатских и европейских народов. Сами индусы однако проявляли мало интереса ко всему, что лежало за пределами их страны: между восточной Азией, обращенной к Индийскому и Великому океанам, и западной частью материка, связанной с Европой, так и легла неизгладимая черта разделения.

Еще более самостоятельно и независимо от Передней Азии и Европы развилась культура Дальнего Востока. Ее центром сделался Китай по течению рек Хоан-го и Янцзы, а влияние ее распространилось на большую часть азиатского материка: к западу и северу на Тибет, Туркестан и Монголию, к югу и востоку на области, прилегающие к Великому океану, на Заднюю Индию или Индокитай, на Корею и Японию. Государственная жизнь, религия, наука, семейный быт, нравы и понятия дальневосточной культуры во многом разнятся с тем, к чему мы привыкли в Европе. Культура Китая возникла позже левантйской и скорее одновременно с индийской. Ее процветание вместе с образованием громадной империи, равной по размерам всей Европе, относится

к последним векам до начала нашей эры и первым векам после нее (с 300-го года до Р. Х. до 200-го года после Р. Х.).

Старинная история Китая. Родина многочисленного народа, составляющего теперь главное население Китайской империи, — плоскогория Средней Азии. Во второй половине 3-го тысячелетия до Р. Х. родоначальники «черноголовых», как сами себя называют китайцы, ушли из засыпанных песками оазов восточного Туркестана (в бассейне р. Тарима) на восток и сели в равнине по нижнему течению Хоан-го (Желтой реки) от ее большого загиба к северу до моря.

Отсюда китайские колонисты двинулись в долину Янцзы (Синей реки), покоряя и втягивая в свою среду туземные, более дикие племена родственного им монгольского происхождения. Еще позже добрались они до морских берегов к югу от устья р. Янцзы и заняли долину Си-кианга (Жемчужной реки). Средоточием власти в Китае был и остался до последнего времени северный край, равнина нижнего Хоан-го и его притока Вей-хо; здесь были столицы старинного китайского государства; отсюда выходили объединившие всю страну завоеватели и династии.

Из среднеазиатской родины своей китайцы принесли веру в духов, витающих вокруг человека и приносящих ему то удачу, то несчастья и болезни; до настоящего времени сохранились колдовские заклинания добрых гениев и многообразные способы борьбы с бесами. Исстари также у китайцев развито почитание умерших предков: внимание к ним со стороны живых, ухаживание за ними считается главной добродетелью истинного китайца. Обязанность почитания умерших родителей коренится в огромном значении у китайцев отцовской власти. Хотя молодой человек 20 лет уже признается совершеннолетним, однако в действительности он приобретает самостоятельность лишь по смерти отца. Старший сын умершего обязан приносить ему жертвы. Вся семья собирается в особой комнате дома, чтобы оповещать предков о всех важных событиях, касающихся родства, о рождении детей, достижении ими совершеннолетия, вступлении в брак, повышении по службе и пр.

Почитание предков — не только нравственный завет, но также необходимая мера предосторожности. Души умерших, за которыми никто не ухаживает, по убеждению китайцев, бродят без корма и пристанища, пугают живых, вредят им всячески. Поэтому в Китае всякий хочет непременно иметь свою семью и окружить себя обильным потомством; тот, кто умирает бездетным, осуждает на вечную гибель не только самого себя, но и всех своих предков, которые также должны лишиться почитания.

Сохранив религиозные понятия старинной кочевой патриархальной жизни, китайцы в своем быту и занятиях отклонились от привычек бродячих скотоводов: среди плодороднейших стран мира они сделались необычайно трудолюбивыми земледельцами и садоводами. Пользуясь многоводными реками и обильными

дождями юговосточной Азии, они завели обширное искусственное орошение, которое особенно важно для возделывания риса. В то время, как на севере Китая преобладает пшеница и маис, юг выделяется плодовыми садами (Китай — родина апельсинного дерева), разведением сахарного тростника, чайного куста и хлопчатника, тутового дерева и шелковичного червя. Население, особенно в южном Китае, сидит плотно, ни один клочек земли не пропадает даром. В обработке полей применяются те же домашние животные, что и в Европе, лошади, рогатый скот, но в отличие от западных народов китайцы вовсе не знают употребления молока.

Китайцы удивительно усердны и точны в работе, бережливы в хозяйстве, трезвы и спокойно терпеливы. Женщины у них живут замкнуто, в обществе не появляются, в зажиточных слоях бывает и многоженство. Народ проявлял всегда несравненно более послушания правительству, чем где-либо в Европе. Никогда в Китае не поднималась своевольная воинственная аристократия. Высший класс в Китае издавна составляли ученые чиновники, через посредство которых государь, избранник Неба, правил народом; далее выделялись классы земледельцев, ремесленников и купцов.

История Китая приблизительно до VIII в. до Р. X. представляется нам, европейцам, очень неясной. Сами китайцы передают о первых своих правителях сказки, которые возникли однако не в народной среде, а составлены учеными позднейшего времени с нравоучительной целью.

Согласно этим рассказам, в третьем тысячелетии до Р. X. правили мудрые и добродетельные Фуси, Яо, Шун и Юй, которые выкопали каналы, научили народ земледелию, садоводству и шелководству, изобрели письменность и календарь, установили законы, ввели обряды служения Небу и Земле. Сначала государь сам назначал себе достойнейшего преемника, но впоследствии утвердились наследственные династии. Из рассказов о судьбе правителей можно заключить, что китайцы представляли себе мир в виде огромного механизма, в котором Небо, или великий Шайди направляет и движет, а земля служит опорой и местом приложения небесной мудрости. Государь, в силу поручения от Всевышнего, обладает властью неограниченной: он составляет как бы часть мирового порядка; голос народа не участвует в его выборе, а возмущение против правителя считается великим грехом. То обстоятельство, что династии кончались именно возмущениями, по главе которых стояли счастливые вожди, основатели новых правящих семей, не смущало китайских мыслителей. Для оправдания мятежей на законном основании, они рассказывали следующее.

Последний государь второй династии (Шаньский, правивший 1766—1122 до Р. X.) Чжоу-синь и его возлюбленная Тайци были порочные и жестокие тираны: они привязывали своих врагов к раскаленной медной колонне; Тайци изжарила тело своей соперницы и угостила ужасным блюдом отца убитой. Лучшие из вельмож и чиновников стали переходить к Вэн-ваню, одному из

подчиненных областных князей. После смерти Вэн-ваня они начали возбуждать к мятежу сына его У-вана. Долго не решался на это У-ван, боясь разгневать Шанди, которому единственно дана власть карать людей. Но когда горы стали обваливаться, реки выступили из берегов, разразились голод и чума, и на небе стали видны два солнца, что явно свидетельствовало о неблагоприятии Шанди к правителю, У-ван поднял знамя восстания. В речи своей к войску он сказал: «свет добродетели усопшего родителя моего подобен свету солнца и луны; если я одержу победу над Чжоу-синем, то это будет последствием не моей храбрости, а безупречной добродетели Вэн-ваня, моего усопшего родителя; если Чжоу-синь победит меня, то это будет не потому, что добродетель Вэн-ваня несовершенна, а потому что я, слабый человек, не имею хороших качеств».

У-ван победил Чжоу-синя, и этим Небо выказало свою волю, оправдавши восстание. Чжоу-синь заперся в своей столице, в Оленьей башне, и сгорел со всеми своими драгоценностями. Тайцизы цыталась очаровать У-вана своей красотой, но он остался непоколебим и велел казнить ее. У-ван сделался основателем третьей (Ч ж о у с к о й) династии, правившей очень долго (от 1122 до 256 г. до Р. Х.). В качестве мудрого и благодетельного государя он считается изобретателем компаса (в действительности свойство магнитной стрелки стало известно китайцам несколько позже, но во всяком случае задолго до европейцев); он же установил обычай давать умершим предкам посмертные имена и возводить их в божественный чин. Тому же У-вану приписывается и установление удельного порядка. Своим родственникам и близким, помогшим ему при восстании против свергнутой династии, он роздал области в управление: удельные владетели должны были в известные сроки являться ко двору государя, платить ему налоги, приводить на помощь военные отряды, а он брал на себя решение споров между ними и вмешивался в случае столкновений.

При слабых преемниках У-вана удельные князья приобрели полную самостоятельность; они перестали являться ко двору государя и подносить ему дары. Между ними происходили постоянные усобицы, которые ослабляли Китай и открывали его разрозненные области нападениям диких кочевников, напиравших с севера и запада, особенно племени хиунгнгу (по европейскому произношению — гуннов). Однако время раздробления (VIII—III века до нашей эры) было вместе с тем эпохой крупных умственных и религиозных движений, конфуцианства и даосизма, влияние которых обнаружилось потом в великую пору образования китайской империи.

Конфуцианство. Основатель конфуцианства был современником Дария Гистаспа и родился в 551 г. доР.Х. во владении удельного князя, составляющем нынешнюю область Шань-дунь на восточном краю Китая близ моря. Его настоящее имя Кун-цю, по

смерти он был прозван Кунфуцзе, что значит «великий учитель»; впервые узнавшие о нем в XVII в. европейские миссионеры-иезуиты переделали его имя на латинский лад в Конфуция.

Сын мелкого чиновника в удельном княжестве, Конфуций сам в молодые годы служил надсмотрщиком за продажей хлеба. Мечтой его жизни было стать главным управителем при сильном государе, чтобы преобразовать согласно разумным началам всю жизнь китайского народа, спасти его от нравственной порчи. Однако ему удалось лишь короткое время побыть министром юстиции в уделе, где он родился. Долголетние переезды его из одного удела в другой, в поисках государя, который вручил бы ему власть, не увенчались успехом. В то же время обладая громадными знаниями и необычайным даром преподавания, Конфуций собрал около себя многочисленную школу преданных слушателей и завещал им свои правила жизни.

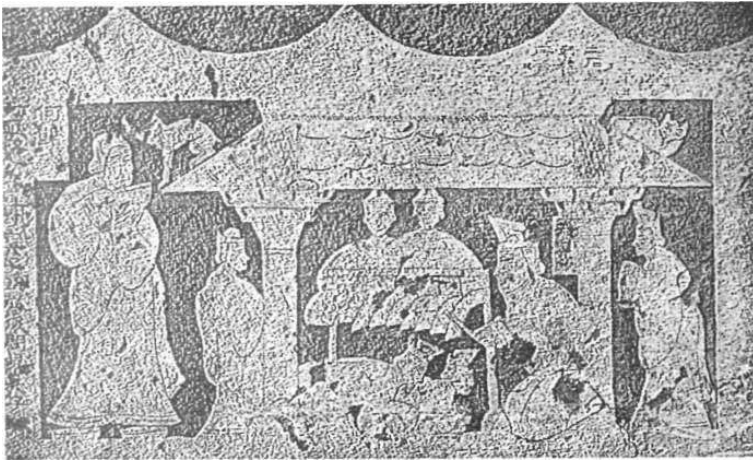
Во всей своей деятельности, в изданных им книгах, в завещанных наставлениях Конфуций отражает одну черту, свойственную характеру китайского народа, — любовь к стройным, размеренным движениям, соблюдение чинности и внешней пристойности (впоследствии европейцы, с оттенком некоторой иронии, назвали эту черту «китайщиной»). По его убеждению, только соблюдением этикета, точным, истовым исполнением обрядов и церемоний, сохранением правильного, как в музыке, такта, держится вся жизнь и создается разумное воспитание людей. «Гимны поднимают дух человека, правила приличия устанавливают его характер, музыка увенчивает все здание».

В книге Чао-цзинь («о сыновней почтительности») Конфуций предписывает в точности, как должен быть исполняем траур: «когда почтительный сын справляет память по умершем родителе, он может только плакать, но при этом пусть воздерживается от продолжительных рыданий; при исполнении церемониальных движений нечего ему заботиться о красоте; слова его должны быть лишены изящества; невозможно ему надевать блестящие платья; если он слышит музыку, то не испытывает никакого наслаждения; если съедает лакомство, не чувствует вкуса в нем. Таковы должны быть истинное горе и печаль».

Конфуций не требует от людей героизма, подвигов самоотвержения, чрезвычайного подъема чувств и мыслей, веры в чудеса. Его нравственные правила умеренны и ограничены. «Не делайте другим того, чего бы вы не хотели, чтобы делали вам». Все обряды, церемонии, гимны, песни, поучительные рассказы — как он убежден — даны были народу еще в глубокую старину, в блаженные времена добродетельных государей Яо и Шуна; оттого, что их забыли, в Китае начались беспорядки, водворились дурные нравы. Главное внимание Конфуция было направлено на то, чтобы восстановить древние заветы: он собрал исторические сведения, законы, молитвы, правила этикета в большие сборники Шу-цзинь, Ши-цзинь и Ли-цзи, которые сделались потом священными кни-

гами китайцев. «Я только излагаю предание — говорил он о себе — но не создаю ничего нового; я верю в старину и люблю ее».

Учение Конфуция носило характер аристократический: оно было предназначено служить руководством главным образом для «высшей породы людей», как он сам выразился, т. е. для призванных к управлению исполнителей воли Шанди, уравновешенных, спокойных, трезвых и разумных. Для высшего класса установлены и 16 главнейших заповедей. Вот некоторые из них.

Конфуций играет на цимбалах (китайский рельеф II-го века после Р. Х.).

«1. Превыше всего цените сыновнюю почитательность и братнюю преданность для того, чтобы поднять этим значение общественных связей. 3. Соблюдайте мир и согласие с соседями, чтобы избегать ссор и тяжб. 4. Поддерживайте земледелие и шелководство для того, чтобы всегда было достаточное количество пищи и одежды. 5. Берегите школы и высшие учебные заведения, чтобы работы ученых не отклонялись от правильного пути. 8. Объясняйте законы, чтобы предостеречь невежд и упрямцев. 9. Показывайте изысканную вежливость и знание этикета, чтобы улучшить нравы и поведение людей. 14. Платите налоги без промедления, чтобы избежать взыскания денег, которые вы должны отдать».

В беседах с учениками Конфуций избегал упоминания о чудесном и таинственном. Хотя он не отрицал бессмертия души, однако никогда не говорил о загробной жизни, о рае и аде. Когда однажды ученик спросил, что такое смерть, Конфуций ответил уклончиво: «раз ты еще не знаешь, что такое жизнь, как можешь

ты понять смерть?» Холодная и неглубокая мудрость Конфуция не могла удовлетворить людей, искавших ответа на вопросы о тайнах мироздания; не успокаивала она и тех, кто стремился к осуществлению на земле высшей правды. Отсюда успех другого направления мысли, возникшего одновременно с конфуцианством и ведущего свое начало от Лаоцзы.

Даосизм. О жизни Лаоцзы ничего не известно (род. в 604 до Р. Х., на полвека раньше Конфуция). Его последователи любили рассказывать о встрече и беседе двух мыслителей, где Лаоцзы в конце осудил Конфуция. На вопрос Конфуция относительно старых обрядов Лаоцзы будто-бы ответил: «люди, о которых ты говоришь, давно обратились в прах вместе с костями своими. Если человеку высшей породы улыбнется счастье, он достигает почета, но если ему не повезет, он катится как пук соломы по песку. Я слышал, что умный купец скрывает свои запасы под землей так, что на поверхности у него бедно и пусто; так и человек высшей породы, достигнув совершенной добродетели, по внешности кажется простоватым. Оставь-ка лучше свои гордые притязания и суетные желания, брось свои широкие планы; все это не принесет тебе никакой пользы».

Подобно Конфуцию, Лаоцзы признает великий беспорядок в человеческом мире и порчу нравов, однако думает, что никакими внешними приемами и обрядами беды не поправишь. В природе все идет естественным путем: «голубь не купается ежедневно, чтобы оставаться белым, а ворон не красится в черный цвет». «Ты хочешь — говорит он Конфуцию — установить справедливость и человечность своими правилами порядка и приличия? Ты похож на человека, забившего в барабан, чтобы отыскать заблудшую овцу». Человеческая природа не исправляется силой законов, изданных мудрыми министрами или просвещенными государями. Единственная возможность спасения в том, чтобы человек ушел в самого себя, занялся усовершенствованием своей личности.

Путь к добродетели называется дао, отсюда последователи Лаоцзы — даосы. Дао есть великая и глубокая истина. Дао — начало всех вещей и их конец, последняя цель, к которой устремлена жизнь мира. Дао — корень человеческого существа, его истинная добрая природа, к которой человек должен вернуться. Наиболее ревностные даосы отрекались от богатства, от удобств жизни, уходили в одиночество, надевали грубые, серые рясы. В утонченности городской жизни они видели глубокое падение человека; они объявляли вредной всякую науку и заботу о культуре. По мнению этих аскетов и отшельников, мудрые государи древности были велики не тем, что просвещали народ, а тем, что оставляли его в простоте и незнании.

Так же, как конфуцианство, и даосизм захватил сначала только высшие образованные слои общества, но скоро, в отличие от конфуцианцев, последователи Лаоцзы приобрели влияние на широкие

народные массы. В то время, как Конфуций относился с пренебрежением к народной вере, находя ее несогласной с разумом, даосы вникали в религиозные обычаи простых людей.

Почитание духов, населяющих, по народным понятиям, весь мир, казалось, похоже на учение последователей Лаоцзы о великом Дао, проникающем природу и вносящем во все живое искру божественности. В свою очередь отшельники казались народу могучими волшебниками, обладающими в силу своей святой жизни даром творить чудеса. Многие даосы, искавшие напитка бессмертия и камня, превращающего все металлы в золото (тайна эта потом у арабов и в Европе получила название алхимии), в глазах народа, были чудотворцами. К ним постоянно обращались, ожидая их помощи в борьбе со злыми духами. О самом знаменитом из волшебников, Чандаолине, рассказывают следующее.

В ночь его рождения на небе появился блестящий шар, опустившийся перед дверьми дома, где жила его семья. Ребенок рос не по дням, а по часам и уже в семилетнем возрасте знал всю великую книгу Дао-де-цзинь, составленную Лаоцзы. Чандаолин становится отшельником, его окружает толпа учеников; на лестные приглашения к императорскому двору он отвечает отказом. У подножия волшебной горы, когда над ним в воздухе реяли белый тигр и зеленый дракон, он выбрал себе пещеру, где занялся составлением жизненного эликсира, дающего юность и бессмертие. Едва вкусил он последнего, как из 60-летнего старца превратился в цветущего юношу. Далее он приобретает волшебные качества взлетать на небо, быть вездесущим и принимать вид любого существа. К нему нисходит Лаоцзы и, вручив два волшебные меча и печать, велит ему изгнать злых демонов, которые особенно мучили народ. Чандаолин собрал вокруг себя 36.000 духов и уничтожил всех демонов. В награду за этот подвиг Лаоцзы взял Чандаолина во дворец бессмертных в горах Куэн-лунь, но увидав, что отшельник еще недостаточно проник в глубину Дао, снова отправил его на землю. Прошли еще долгие годы размышления и благочестивых подвигов, и наконец Чандаолин был признан достойным появиться перед лицом Лаоцзы. Уходя из сего мира, он передал сыну своему оба волшебные меча, печать, святые книги и сказал: «возьми это, борись со лжеучениями, изгоняй демонов, помогай стране и старайся успокоить людей.» После этого он со своей женой и двумя любимыми учениками поднялся на небо.

Заклинатели духов в Китае долго потом чтили Чандаолина как своего покровителя, а их глава, носивший титул т ь е н ш и, т. е. «управитель неба» до последнего времени, согласно завещанию волшебника, избирался из его потомства. Он жил на горе Лун-ху-шан в Гуан-си, одной из областей южного Китая, во дворце, окруженном храмами и монастырями. В народе ходил слух, что в тысячах глиняных сосудов он держит у себя пойманных и заколдованных демонов.

Великая китайская империя. Во время своего разделения на уделы Китай жестоко терпел от набегов кочевых племен, напавших с севера и с запада. Но как раз удел Циньский, помещавшийся на западной границе и выдерживавший самую трудную борьбу с варварами, закалил свои силы в этих боях; около 300 г. до Р. Х. он перерос по своему могуществу все другие уделы, вместе взятые. Циньский ван (князь) Чжуан-сян устремил свое оружие на покорение восточных областей, заставил отречься от престола последнего представителя Чжоуской династии (в 256 г.) и основал новую (четвертую) династию, Циньскую.

Против еЮ сына, Чжена (246—210 до Р. Х.), получившего власть в самой ранней молодости, составилась большой союз восточных князей. Чжену пришлось бороться с врагами в собственном доме; сурово расправился он с родной матерью, пытавшейся занять престол вместе со своим возлюбленным. За такое непочтительное отношение к родительнице Чжен подвергся резкому осуждению конфуцианцев. С этого времени началась его вражда к ученым, которые вместе с тем служили главной опорой самостоятельности уделов.

Неизменно счастливый в своих походах, Чжен сломил сопротивление удельных князей; все они, один за другим, ему подчинились. В 221 г. он сделался единодержавным правителем всего Китая и усвоил громкий титул Ши-хуан-ди, что можно перевести «августейший император», а также «владыка лёсса» (лёсс — желтая плодородная земля северного Китая, отсюда желтый цвет сделался придворным).

Объединитель Китая был самой крупной личностью среди китайских императоров, полный энергии и жадности, но в то же время жестокий и нетерпимый. Для защиты от нападения варваров со стороны пустыни на севере он начинает постройку великой каменной стены. Для себя он строит громадный дворец, сгоняя на работу 700.000 осужденных на казнь преступников. Тотчас же после объединения империи он приказал отобрать у жителей побежденных уделов оружие и отправить его в новую столицу Сян-ян (на притоке Янцзы), куда в то же время были переведены на жительство 120.000 семейств тех военных людей, которые отличились в боях за объединение империи. Затем Шихуанди отправился для обозрения своих новых владений на окраинах империи. Чтобы достойно принять государя, чиновники на местах выстроили превосходные дороги. Шихуанди выразил желание, чтобы такие дороги были всюду между главными городами областей.

Он вообще хотел настойчиво ввести везде однообразные порядки управления с тем, чтобы скрепить разрозненные до тех пор области и заставить население бывших удельных княжеств забыть свои особенные обычаи. В лице главного министра Ли-Сы император нашел ревностного и беспощадного исполнителя нововведений. Среди других мер Ли-Сы предложил упростить необык-

норенно сложное китайское письмо, заменив принятое в каждой области особое написание слов однообразной для всего Китая орфографией.

Эта перемена правописания вызвала сильное недовольство в среде образованных чиновников бывших удельных княжеств, которые держались учения Конфуция, крепко стояли за старину и за самостоятельность областей. Ли-Сы не остановился перед самыми суровыми средствами борьбы. Он сделал императору следующий доклад: «Вы, государь, открыли новые пути и способы управления, благодаря которым навеки должна утвердиться Ваша августейшая фамилия. Все приветствуют и почтительно встречают их кроме книжников, которые не хотят на них согласиться.

Наверху изображено покушение на Шихуанди;
внизу — два божества с драконовыми хвостами
(рельеф на стене древней могилы).

У них на устах все время обычаи старины, они беспрерывно только об этом и толкуют. Неужели вы, государь, позволите этим людям переезжать из одной области в другую, как прежде во времена усобиц, отыскивать преданных им князей и помогать им в мятежах и восстаниях?»

«Мое мнение, что новые буквы, введенные вами, необходимо сделать обязательными, под страхом самых-тяжелых наказаний. Для того, чтобы скорее дойти до цели, нет лучшего средства, как сжечь Шу-цзинь и Ши-цзинь и вообще все книги, кроме лишь тех, которые содержат сведения о медицине, астрономии и гадания о судьбе, а также историю Циньского царствующего дома; далее велеть всем, кто имеет старые книги, под страхом смерти выдать